

Ло Ляньюнь и Шу Тинью оба очень интересовались ситуацией, но понимали, что спрашивать неуместно.

Они могли расспрашивать только о другом. Шу Тинью спросил:

— Если ты попросишь его, он даст тебе деньги? А если он откажет?

Ло Ляньюнь задумчиво сказал:

— Многие парни настаивают на том, чтобы разделить счет, даже когда приглашают девушку поужинать. Ты должен быть к этому готов. Поскольку вы не пара, он может не платить за ребенка в твоем животе.

Чи Ван: ...

Это довольно прямолинейно.

Поначалу Чи Ван не мог найти вескую причину для того, чтобы Се Сихэн оплачивал расходы. Честно говоря, если бы тот секс был общей ответственностью, то 70% вины легло бы на него, а оставшиеся 30% — на Се Сихэна.

Его наглость и непреклонность в просьбе к Се Сихэну возместить расходы на аборт показались ему немного чересчур.

Но Чи Ван не был склонен к самообвинению. В такие моменты он был готов пойти на компромисс и справедливо переложил вину на другого — возможно, в том, что они переспали, 70% его вины, но то, что Се Сихэн сделал его беременным, определенно на 100% лежит на Се Сихэне.

По его мнению, кто может забеременеть после одного полового акта? Подвижность сперматозоидов у современных мужчин настолько низка, что это стало новостью. Забеременеть после одного полового акта — большая редкость. Более того, судя по темным кругам под глазами Се Сихэна, он, похоже, был «совой», которая поздно ложится спать. Как могло качество его спермы быть таким хорошим?

Проделать такой долгий путь, настаивая на том, чтобы быть номером один в такой ситуации — чья это вина, если не его?

Чи Ван перекладывал вину на другого, пока не почувствовал себя комфортно.

По крайней мере, он мог бы добиться того, чтобы другая сторона оплатила половину расходов; даже разделение суммы поровну было бы приемлемым.

Но обдумать это было одно дело; а вот поднять этот вопрос оказалось довольно сложно.

Что он должен сказать Се Сехэну: «Я беременен; не мог бы ты разделить со мной расходы на аборт?»

Ах, это слишком неловко.

Чи Ван представил себе, какое выражение лица будет у Се Сихэна, услышавшего это, скорее всего, безразличное.

Это действительно напоминало бы ситуацию, когда мошенник неловко сталкивается с центром по борьбе с мошенничеством.

Чи Ван собрал все результаты обследований, скрепив их вместе в тонкую стопку, начиная с самого важного, ультразвукового исследования.

Он открыл камеру и внимательно изучил свое лицо. Он выглядел искренним, с ясными глазами — достойный и честный преемник социализма. Предварительное представление отчетов не должно было выставить его мошенником.

Чи Ван вздохнул с облегчением.

Между тем, результаты промежуточных экзаменов уже были опубликованы. Отложив пока в сторону вопрос поиска отца ребенка, все трое проверили свои оценки в больничной палате.

У Чи Вана, естественно, были отличные оценки, и несколько раз он получил высший балл. Рейтинги еще не были доступны; ему нужно было спросить у консультанта.

Он решил пока не задавать вопросов.

Ло Ляньюнь и Шу Тинью также показали хорошие результаты и не провалили ни одного курса.

Все трое были вполне счастливы.

После пережитой радости Чи Ван снова столкнулся с реальностью.

Он начал переписку с Се Сихэном. В последнем сообщении он просил Се Сихэна отпустить его, объясняя это тем, что пока не может выгуливать собаку.

Се Сихэн ответил просто:

[Понял]

Вот и все.

Подобные вещи нельзя было говорить в интернете; это нужно было делать лично. Иначе это выглядело бы как мошенничество.

Итак, Чи Ван отправил Се Сихэну сообщение:

[Старший, ты свободен сегодня вечером?]

Чи Ван заподозрил, что Се Сихэн — «сова», поэтому он сразу же предложил встретиться вечером.

Судя по текущему времени, было уже за три часа дня. Даже «сова» должна быть свободна в это время.

Пока он об этом думал, Се Сихэн ответил:

[Что случилось?]

Чи Ван:

[Мне нужно кое-что с тобой обсудить]

Се Сихэн:

[Сегодня вечером я свободен]

Чи Ван сказал:

[Хорошо, я приду к тебе тогда]

Се Сихэн:

[Напротив университета есть кафе; давай встретимся там]

Чи Ван подумал: это подходит. Вопрос, который он хотел обсудить, был серьезным; найти тихое место для разговора было разумным решением.

Чи Ван сказал:

[Хорошо, а как насчет восьми вечера?]

Се Сихэн:

[В семь, я ложусь спать в восемь]

Чи Ван: ? Разве ты не сова?

Хотя он и был озадачен, он не стал задавать дальнейших вопросов, ему не хотелось вести светскую беседу.

Чи Ван ответил:

[Хорошо]

После организации встречи Чи Ван планировал выписаться из больницы.

У него не было денег, чтобы решить все проблемы сразу, и гастроэнтерит у него больше не обострялся, поэтому он прошел процедуру выписки.

В кассе он воспользовался своей медицинской страховкой для возмещения расходов и, к своему удивлению, получил обратно более трехсот юаней; в общей сложности он потратил всего около четырехсот.

Это чувство было новым и радовало Чи Вана.

Увидев его улыбку, Ло Ляньюнь, сам не понимая, почему, спросил:

— Что с тобой?

Чи Ван улыбнулся и сказал:

— Медицинская страховка очень полезна; она покрыла столько расходов.

Ло Ляньюнь сказал:

— Видишь? Когда болеешь, не жди — просто приходи в больницу. Это ничего не стоит.

Чи Ван серьезно кивнул:

— Я приду в следующий раз.

Ло Ляньюнь:

— Это необязательно. Лучше пожелать здоровья.

Улыбка Чи Вана сияла, обнажая его белые клыки:

— Ха-ха-ха.

Наблюдая со стороны, Шу Тинью вздохнул. Он действительно тот, кто расцветает от солнечного света. Если бы со мной случилось что-то подобное, я бы полдня обнимал переднюю колонну больницы и плакал.

Они сразу же вернулись в общежитие.

Как только он вернулся, Чи Ван пошел принимать душ. Он был очень щепетилен в вопросах чистоты и иногда мылся три раза в день. Даже после душа в больнице он не чувствовал себя чистым — его раздражал резкий запах.

Поэтому, вернувшись, он поспешил принять душ.

После душа он вышел из ванной и обнаружил, что туалет и коридор были покрыты красными противоскользящими ковриками. Расспросив, он узнал, что Ло Ляньюнь только что купил их в университетском супермаркете, что его очень обрадовало.

Но когда он вошел в комнату, его колено с громким «бам» ударилось о дверной косяк.

И Ло Ляньюнь, и Шу Тинью услышали это и увидели, что колено Чи Вана быстро побледнело и покрылось синяками.

Чи Ван не почувствовал никакой боли; он лишь взглянул вниз, избежал дверного косяка и вошел прямо в комнату.

Ло Ляньюнь: ...

Ему стало больно от одного только звука, но выражение лица Чи Вана не изменилось.

Шу Тинью сказал:

— Ты что, не смотришь, куда идешь? Ты теперь беременный мужчина, тебе нужно быть осторожнее.

— Знаю. Вода попала мне в глаза, поэтому я ничего не видел, — ответил Чи Ван. Его волосы были мокрые, с них капала вода, которую он быстро вытер полотенцем, но несколько капель все же упали на пол. Сегодня дежурил Ло Ляньюнь, и, не дожидаясь слов Чи Вана, Ло Ляньюнь сознательно взял метлу и начал мыть пол.

Чи Ван немного смутился:

— Не стоит так напрягаться.

Ло Ляньюнь сказал:

— Все в порядке; пол все равно нужно мыть.

Затем он спросил:

— Хочешь, чтобы мы составили тебе компанию сегодня вечером?

Чи Ван сказал:

— Не нужно. Я не настолько хрупкий, чтобы нуждаться в компании повсюду. Все в порядке.

Поскольку Чи Ван настаивал, Ло Ляньюнь не стал настаивать дальше.

Чи Ван частично высушил волосы феном, а затем полностью высушил их.

Он взглянул на часы — было уже больше пяти.

До конца работы оставалось полтора часа, и Чи Ван просто достал свой ноутбук и вышел в интернет.

Ло Ляньюнь, стоявший рядом, сказал:

— Тебе все еще нужно выполнять эту работу? Разве ты не говорил, что это невыгодно? И ты сейчас беременен; тебе не следует перенапрягаться.

Не поворачивая головы, Чи Ван ответил:

— Все в порядке. Я довольно много спал в больнице; сейчас я полон энергии.

Услышав это, Ло Ляньюнь не стал его больше уговаривать.

В 6:40 Чи Ван закрыл ноутбук, взял результаты обследований и вышел.

После его ухода Ло Ляньюнь сказал Шу Тинью:

— Это кто-то из нашего университета.

Шу Тинью:

— А?

Ло Ляньюнь сказал:

— Отец ребенка из нашего университета.

Шу Тинью был озадачен:

— Откуда ты знаешь? Ты был под его кроватью, когда все случилось?

Ло Ляньюнь сказал:

— Ты такой тупица. Они встречаются в 19:00, а ушел он только в 18:40. Если это не кто-то из нашего универа, я возьму твою фамилию.

Шу Тинью: ... Не обязательно.

Ло Ляньюнь сказал:

— Если отбросить логику, то, по моей интуиции, это кто-то из нашего университета.

Шу Тинью вздохнул:

— Чи Вану приходится нелегко. Любой другой бы расплакался из-за этого, а он остается таким спокойным. Иногда я даже не могу понять, кто из нас старше.

Ло Ляньюнь не ответил сразу. Спустя некоторое время он сказал:

— Я иду в супермаркет; пойдём со мной.

— Зачем снова?

Ло Ляньюнь ответил:

— Я куплю поролоновые прокладки, чтобы обернуть ими дверные рамы и углы столов. Он часто натывается на предметы.

Шу Тинью понял:

— Ах да. Мы можем их обклеить.

Чи Ван прибыл в оговоренное кафе.

На самом деле, он раньше подрабатывал здесь, учился латте-арту, но особого прогресса не добился, поэтому уволился.

Хозяйка узнала его и радостно предложила сегодня скидку. Чи Ван улыбнулся и согласился.

Пока они беседовали, стеклянная дверь открылась, и появилась высокая фигура Се Сихэна.

Хозяйка бросила на него взгляд и воскликнула:

— О, он тоже из твоего университета?

Чи Ван кивнул, но больше ничего не сказал, потому что к ним приближался Се Сихэн.

Когда он подошел, хозяйка подумала, что они встречаются. Она удивленно моргнула и спросила Чи Вана, что он хочет выпить.

Чи Ван не любил кофе; от него его тошнило, но он все равно заказал латте. Он спросил Се Сихэна, что бы тот хотел; Се Сихэн ответил:

— То же, что и ты.

Чи Ван сказал хозяйке:

— Два латте, пожалуйста.

Она с улыбкой согласилась и повернулась, чтобы уйти.

В тот момент в кафе было немного людей. Каждое место было оборудовано массивной спинкой дивана, что обеспечивало хорошую приватность.

Чи Ван взглянул на Се Сихэна и сразу заметил едва заметные темные круги под глазами. Из-за светлой кожи они были довольно броскими. Однако лицо его было бесстрастным, излучая холодное, отстраненное благородство и привлекательность.

Чи Ван невольно отвлекся. Что бы вы ни говорили, Се Сихэн действительно очень красив. Сам Чи Ван тоже был неплох. Если бы ребенок родился, он мог бы быть необычайно красивым.

Чи Ван отбросил эти мысли о размножении, вновь проявил решимость и, после некоторых раздумий, прямо сказал Се Сихэну:

— Я пригласил тебя сегодня, чтобы обсудить кое-что.

Се Сихэн заметил, что в серьезности Чи Вана смешались тревога и смущение. Его поза подсознательно стала более напряженной.

— Продолжай, — сказал он.

Хозяйка принесла два латте, ненадолго прервав Чи Вана, который замер в ожидании.

После ее ухода Чи Ван, чтобы скрыть свое волнение, потянулся за пакетиками с молоком и сахаром, добавил их все в свой латте и долго помешивал.

Се Сихэн не торопил его. Хотя Чи Ван еще ничего не сказал, Се Сихэн по выражению его лица понял, что это что-то важное. Он был терпелив.

Чи Ван обычно не колебался. После короткого момента смущения он взял себя в руки. Сделав вид, что ничего не произошло, но с оттенком загадочности, он сказал:

— Есть кое-что, за что тебе нужно взять на себя ответственность.

Се Сихэн ничего не сказал, просто смотрел на него.

Взгляд Се Сихэна, как и его рост, был несколько угнетающим. Но на поле битвы между мужчинами речь идет не о жизни и смерти, а о том, кто имеет преимущество.

Итак, Чи Ван встретился взглядом с Се Сихэном и прямо заявил:

— Я беременен, тебе нужно взять на себя ответственность.

Се Сихэн: ?

<http://bllate.org/book/14359/1339991>